

2. "Капитал" К. Маркса и критика политической экономики

Рос я в такое время, когда верилось в абсолютную верность уже намеченных путей, а дожил до того, что ясно осознаю относительность принятых решений и необходимость новых, которые всегда первоначально бывают партийными.

Д. И. Менделеев

Введение в критический анализ экономического учения К. Маркса

Разноцветна и прекрасна общественно-экономическая жизнь человечества. Глубоко скрыты законы ее развития. Столетиями пытливая мысль экономистов, словно пчела, перелетая от цветка к цветку, собирала горьковато-сладкий нектар ее истины, пополняя общечеловеческий фонд знания.

Выход в свет в 1867 г. первого тома “Капитала” К. Маркса высветил фигуру нового гениального мыслителя в области обществознания и вызвал бифуркацию общественно-экономической мысли человечества. Появление второго (1885 г.), затем третьего (1894 г.) томов “Капитала” привело к окончательному разветвлению путей эволюции общественно-экономической мысли по двум направлениям: критики (самого капиталистического способа производства и буржуазной политической экономики, развиваемой К. Марксом) и апологии капитализма (сопровожаемой критикой экономического учения К. Маркса со стороны буржуазных политэкономов). Странники обоих направлений экономической мысли начали обвинять друг друга в научной несостоятельности.

Сегодня необходимо не столько "подбрасывание" новых аргументов в "костер" состязательности в этих обвинениях, сколько попытаться понять причины ее тупиковости. Расхожей фразой у исследователей, считающих себя марксистами, является примерно такое утверждение: «Вот уже более ста лет буржуазные экономисты опровергают “Капитал”, а он стоит как скала!» Спрашивается, почему: или антимарксовская критика слишком слаба, или теоретическое здание “Капитала” возведено К. Марксом столь искусно, что не может быть подвергнуто даже научной критике?

Объективная истина состоит в том, что антимарксовской критике главный труд Маркса оказался в самом деле не по силам по причине узости ее теоретического кругозора. Игнорируя диалектический метод, пронизывающий весь “Капитал”, она использовала более узкие подходы, чем подход, воплощенный в самом “Капитале”. Представители антимарксовской критики, будучи не в состоянии объять научным взором все здание “Капитала”, выхватывали и выхватывают лишь отдельные куски, блоки, стороны экономического учения Маркса и подвергают их отрицанию. Такая критика не может дать действительно научных результатов. Это хорошо понимал и сам К. Маркс. Завершая работу над первым томом “Капитала”, он писал Карлу Клингсу 4 октября 1864 г.: “Надеюсь теперь ... нанести буржуазии в области теории такой удар, от которого она никогда не оправится” (Маркс, Энгельс, т. 31, 354).

В свете этого пытаться “давать отпор” любому выступлению буржуазных экономистов против “Капитала” К. Маркса, значит заниматься делом, имеющим слабое отношение к науке. Оно имеет больше идеологическое, чем научное значение. Науку же интересуется другое.

Теоретическое здание “Капитала” возведено К. Марксом и в самом деле так искусно, что всякие попытки расшатать его изнутри будут напрасными. Важнейшие категории и законы получены им на основе критического анализа всей классической буржуазной политической экономики. Соединены же они в теоретическую систему при помощи добротной новейшей “технологии” — диалектического метода. И

трудность состоит не только в том, что к “Капиталу” нельзя подходить с более узким теоретическим кругозором. Сложность заключается в том, что круг идей самого Маркса был шире, объем знаний значительно глубже, чем реализованное им в “Капитале”. Над главным делом своей жизни К. Маркс работал сорок лет. Думается, что экономическое учение К. Маркса отражено во всей совокупности его сочинений, не говоря уже о том, что многое могло оказаться не зафиксированным на бумаге, не опубликованным и потерянным навсегда. В этом отношении и в связи с запросами нашей сегодняшней жизни представляет большой интерес анализ не только теоретического здания “Капитала”, но и того научного фундамента, на котором оно возведено.

2.1. Композиция “Капитала”, представленная нисхождением от конкретного познанного к абстрактному

Все богатство жизнедеятельности человека как общественного существа К. Маркс рассматривает, если можно так выразиться, в системе двух координат. Осью абсцисс выступает материалистическое понимание истории. Осью ординат — его диалектический метод анализа материала экономико-исторического развития людей. В области политической экономии, как и в области любой другой науки, новые теоретические результаты можно получить, либо подвергая анализу с помощью старых методов неисследованные стороны предмета, либо “высвечивая” и выявляя более глубокие, внутренние связи и отношения в исследуемом предмете с помощью нового, более мощного метода исследования. К. Маркс имел и ту, и другую возможность. Разработанный им метод материалистической диалектики позволял “просвечивать” предмет исследования на неизменно большую глубину, чем традиционные методы. Материалистическое понимание истории открывало ему новые стороны исследуемого предмета.

Приступив к занятиям политической экономией, К. Маркс поставил задачу диалектически разработать политическую экономию, сделать “первую попытку применения диалектического метода к политической экономии” (Маркс, Энгельс, т. 31, 321). Но сначала надо было “путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически” (там же, т. 29, 224). Сделать это было не просто. “Материал, над которым я работаю, — писал он Иосифу Вейдемейеру 27 июня 1851 г., — так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удастся закончить работу раньше, чем через 6 — 8 недель... Демократическим “простакам”, которым приходит наитие “свыше”, таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливицам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это так просто... Вот уже действительно простаки!” (там же, т. 27, 489).

Дать критику не только ложных взглядов буржуазных экономистов, но и существовавшей в то время немецкой идеологии К. Марксу было “необходимо для того, чтобы подготовить публику” к своей точке зрения в области политической экономии, которая “прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке” (там же, т. 27, 399). В результате проделанной критической работы К. Маркс мог с полным правом сказать: “Своей критикой я ниспроверг так много старого...” (там же, т. 30, 23). При этом в научный оборот было введено столько нового, что все в целом позволило ему возвести величественное здание “Капитала”, в котором “композиция, внутренняя связь целого представляет собой триумф немецкой науки ... так как это ... заслуга всей нации” (там же, т. 31, 154).

Эта композиция получена благодаря диалектическому методу, который в качестве своих элементов, кроме всего прочего, содержит метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Наглядно он может быть представлен так:

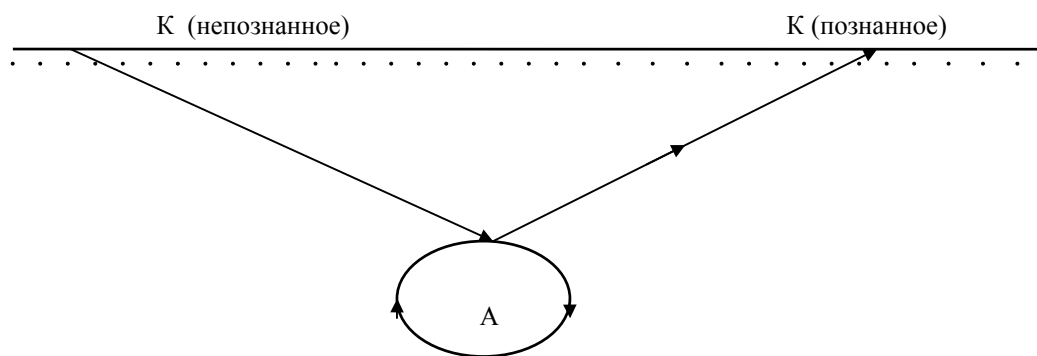

Рис. 2.1. Метод восхождения от абстрактного к конкретному:

К (непознанное) – конкретное, превращенное, такое, каким оно выступает на поверхности явлений экономической жизни; А — абстрактное, существенное, которое не содержит в себе несущественного; К (познанное) — конкретное воспроизведенное в мышлении как конкретное целое, являющееся отражением в нашем сознании действительного конкретного

Данный метод содержит в себе две ветви. Первая из них “восхождение от конкретного непознанного к абстрактному” (снятие превращенности в мышлении). Эту работу проделала в основном буржуазная классическая политическая экономия (У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо и др.). Именно она, начав с населения и всей совокупности его богатства, путем абстрактного мышления получила простейшую форму этого богатства — товар. К. Маркс критически переработал научные результаты движения буржуазной мысли на этом пути. Вторая ветвь — “восхождение от абстрактного к конкретному (познанному)”. Основные трудности классической буржуазной политэкономии встретились именно на этом пути. Именно здесь К. Маркс сделал целый ряд блестящих открытий, в том числе и такое, как теория прибавочной стоимости.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному дополняется методом единства логического и исторического. Исходным в нем является принцип: с чего начинается история, с того начинается и логика. История капиталистических производственных отношений начинается с товара. В этой связи метод единства логического и исторического может быть представлен системой координат. Ось абсцисс отражает историю развития экономических отношений. Ось ординат — логику построения экономической теории.

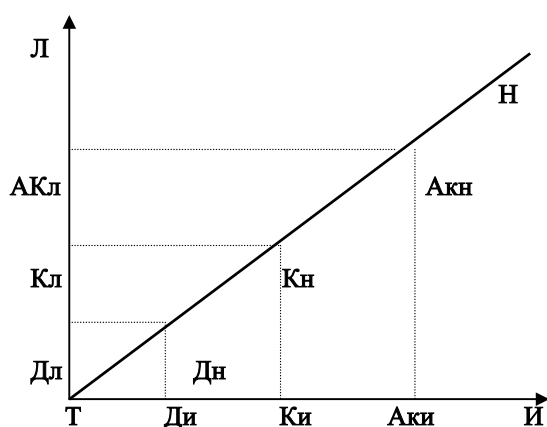

Рис. 2.2. Схематичное представление метода единства логического и исторического: Т — товар; Д — деньги; К — капитал; Ак — акционерный капитал; Л — логическое; И — историческое; ТН — кривая единства логического и исторического

Из рис. 2.2 видно, что логические категории (Тл, Дл, Кл, Акл и т.д.) являются научными категориями (Тн, Дн, Кн, Акн и т.д.) только в том случае когда, они находятся на кривой ТН, являясь мысленным отражением существующих отношений (Ти, Ди, Ки, Аки и т.д.). Порядок следования логических категорий

должен быть таким же, как и порядок их возникновения и исследования в истории. Это значит, что в теории определение денег может быть получено из определения товара, определение капитала — из определения денег и т. д. Отношения, возникшие исторически на более поздних стадиях, располагаются в качестве категорий на более высоких “этажах” исторического здания марксовой политической экономии. Вспомним, что согласно первоначальному замыслу “Политическая экономия” К. Маркса должна была состоять из шести книг:

1. О капитале.
2. О земельной собственности.
3. О наемном труде.
4. О государстве.
5. Международная торговля.
6. Мировой рынок (Маркс, Энгельс, т. 29, 449).

Имея все это в виду, совершим мысленное нисхождение от конкретного (познанного), завершаемого самым высоким у Маркса “двадцать шестым этажом”, к абстрактному “пятому этажу”, с которого начинается возведение теоретического здания, и дальше — наиболее глубинному “первому этажу”, расположенному в фундаменте этого здания. Итак, начнем.

26. Мировой рынок. Он представляет собой систему торговых взаимоотношений хозяйствующих субъектов множества стран. Если отвлечься от данного множества, остановившись только на торговых отношениях двух стран, то получим международную торговлю.

25. Международная торговля заключается в экспорте и импорте продукции как минимум двух стран. Если отвлечься от одной из двух стран, то останется лишь одна страна, или государство.

24. Государство есть политическая форма организации общества, состоящего при капитализме из трех основных классов: земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих. Если отвлечься от государства, то останутся эти три основных класса.

23. “Классы”, — так называется последняя пятьдесят вторая незаконченная глава третьего тома “Капитала”, посвященного процессу капиталистического производства, взятому в целом.

Классы — это большие группы людей, образующие социальную структуру общества. В качестве класса в социальную структуру общества может быть включена лишь та большая группа людей, которая обладает какой-либо монополией и имеет, благодаря этому, неиссякаемый источник дохода. Поэтому, если отвлечься от рассмотрения самих классов, то в поле исследования останутся прежде всего доходы и их источники.

22. “Доходы и их источники”. Так называется седьмой отдел третьего тома “Капитала”. Земельные собственники обладают монополией частной собственности на землю и получают доход — земельную ренту. Капиталисты обладают монополией частной собственности на средства производства (капитал) и получают доход — прибыль. Наемные рабочие обладают монополией на способность к труду (рабочую силу) и получают доход — заработную плату. Источником ренты и прибыли является прибавочный труд наемных рабочих. Источником заработной платы — их необходимый труд. Класс частных земельных собственников не является обязательным элементом структуры капиталистического общества. Земля вполне может быть национализированной классом капиталистов. Но поскольку частные земельные собственники существуют, значит они нужны капиталистам. Как же образуется доход земельных собственников? Капиталисты, занятые в сельском хозяйстве, через механизм рынка уступают земельным собственникам свою добавочную прибыль, которая превращается тем самым в капиталистическую земельную ренту.

21. “Превращение добавочной прибыли в земельную ренту”, — таково название шестого отдела третьего тома “Капитала”. Земельные собственники, таким образом, забирают в форме земельной ренты часть прибыли капиталистов и расходуют ее на свое личное потребление, не заботясь о расширении и улучшении сельскохозяйственного производства. О производстве заботятся капиталисты. Но этот класс сам распадается на три группы: ссудных, торговых и промышленных капиталистов. Ссудные капиталисты, владея капиталом, приносящим проценты, ссужают (кредитуют) торговых, промышленных капиталистов, позволяя им расширять свою промышленную и торговую деятельность. Возникает вопрос: как образуется доход ссудных капиталистов? Торговые и промышленные капиталисты уступают им в форме процента часть своей прибыли, сами довольствуясь предпринимательским доходом.

20. “Деление прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты”, — так называется пятый отдел третьего тома “Капитала”, в котором рассматриваются экономические отношения ссудных капиталистов, с одной стороны, и торговых и промышленных — с другой. Капиталистическое производство и торговля могут функционировать, авансируя собственный капитал. Правда, масштабы развития их деятельности будут в этом случае значительно уже. Если абстрагироваться от ссудного капитала, то остаются торговый и промышленный капиталы. Поскольку торговый капитал является обособившейся формой промышленного капитала, то анализу в процессе нисхождения должен в первую очередь подлежать он.

19. “Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый капитал”, — таково название четвертого отдела третьего тома “Капитала”. Каким образом получают свой доход торговые капиталисты? Промышленные капиталисты уступают им часть прибавочной стоимости, сами довольствуясь промышленной прибылью, равной средней прибыли. Если бы они не уступали ее торговцам, то промышленникам пришлось бы продавать товар самим. Абстрагируясь от торгового капитала, получаем промышленный капитал всей страны, функционирующий и в сфере производства, и в сфере обращения. То есть промышленный капитал выступает в динамике, обнаруживая тенденцию средней нормы прибыли к понижению.

18. “Закон тенденции нормы прибыли к понижению”, — так называется третий отдел третьего тома “Капитала”. Действие этого закона обусловлено противоречивым влиянием роста производительности труда на динамику средней нормы прибыли: вызываемый им рост производства относительной прибавочной стоимости повышает среднюю норму прибыли; вызываемый им рост органического строения капитала понижает среднюю норму прибыли, и притом в большей пропорции. Конечно, в разных отраслях органическое строение капитала разное и производимые массы прибавочной стоимости разные, но общая тенденция средней нормы прибыли оказывается понижательной. Если абстрагироваться от динамики средней нормы прибыли, то получим среднюю норму прибыли в статике.

17. “Превращение прибыли в среднюю прибыль”, — таково название второго отдела третьего тома “Капитала”. Спрашивается, а как образуется средняя норма прибыли? В результате разрешения противоречия, лежащего в основе межотраслевой конкуренции капиталов. Суть его состоит в том, что все капиталы качественно одинаковы: все они производят прибавочную стоимость; но одинаковые по величине капиталы производят неравные массы прибавочной стоимости. Причина — различное органическое строение капитала в разных отраслях и различные нормы отраслевой прибыли. Противоречие разрешается переливом капитала и образованием средней нормы прибыли. Если отвлечься от межотраслевой конкуренции, то останутся

отдельные отрасли со своими нормами и массами прибыли. Возникает вопрос: а как образуется прибыль и норма прибыли?

16. “Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли”, — таков ответ, который дает название первому отделу третьего тома “Капитала”. Прибыль и норма прибыли — это категории сферы обращения. Только пройдя сферу обращения, прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости приобретают свою превращенную форму. Поэтому, если отвлечься от прибыли и нормы прибыли, можно оказаться в сфере обращения всего общественного капитала.

15. “Воспроизводство и обращение всего общественного капитала”, — таково название третьего отдела второго тома “Капитала”, посвященного процессу обращения капитала. Обращение и воспроизводство всего общественного капитала представляет собой переплетение оборотов индивидуальных капиталов. Если отвлечься от этого переплетения оборотов, то получим возможность рассмотреть “независимый” оборот какого-нибудь отдельного капитала.

14. “Оборот капитала” — название второго отдела второго тома “Капитала”. Оборот капитала — это постоянно повторяющийся его кругооборот. Основное отличие оборота капитала от его кругооборота состоит в том, что в ходе оборота происходит смена не только стоимостной, но и натуральной формы капитала. Отвлекаясь от смены натуральной формы производительного капитала, получаем только смену форм капитала по стоимости, т. е. кругооборот капитала.

13. “Метаморфозы капитала и их кругооборот”, — так назван первый отдел второго тома “Капитала”. Кругооборот капитала охватывает собой сферу производства и сферу обращения. Из сферы обращения, после реализации товара, всякий раз выходит прибавочная стоимость в денежной форме. Определенная ее часть снова превращается в капитал, обеспечивая накопление капитала.

12. “Процесс накопления капитала”, — таково название седьмого отдела первого тома “Капитала”, посвященного процессу производства капитала. Превратить часть прибавочной стоимости в капитал можно тогда, когда она имеется в наличии. Однако, вульгарная буржуазная политэкономия считала, что наемные рабочие продают капиталистам свой труд и получают заработную плату за весь рабочий день и никакой прибавочной стоимости не производят. В связи с этим Марксу пришлось взяться за раскрытие сущности заработной платы, чтобы доказать, что наемные рабочие создают прибавочную стоимость.

11. “Заработная плата” — название шестого отдела первого тома “Капитала”. Проведя различение понятий — “труд” и “рабочая сила”, Маркс доказал, что рабочие продают не труд, а рабочую силу и что заработная плата есть превращенная форма стоимости и цены товара — рабочая сила. В процессе труда, как процессе потребления рабочей силы, рабочие в необходимое рабочее время возмещают капиталисту сумму стоимости, затраченной им на покупку рабочей силы, а в прибавочное время создают прибавочную стоимость, которая после реализации созданных товаров оказывается в наличии в денежной форме. Если отвлечься от необходимого рабочего времени, т. е. от зарплаты, то остается производство в прибавочное рабочее время прибавочной стоимости в целом, т. е. в двух ее основных формах.

10. “Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости”, — так назван пятый отдел первого тома “Капитала”. Абсолютная прибавочная стоимость производится путем абсолютного увеличения массы эксплуатируемого труда при данной его производительности. Относительная прибавочная стоимость создается путем увеличения производительности труда при данной его массе. В процессе производства прибавочной стоимости оба метода используются в единстве. Если отвлечься от этого единства, тогда на

первый план выступает производство относительной прибавочной стоимости, которое развилось из производства абсолютной прибавочной стоимости.

9. “Производство относительной прибавочной стоимости”, — таково название четвертого отдела первого тома “Капитала”. Увеличение производительности труда достигается совершенствованием капиталистической организации труда и капиталистическим применением машин. Если отвлечься от новых форм организации труда, от применения машин, то остаются производительные силы, доставшиеся капитализму в наследство от простого товарного производства феодальной эпохи и изменявшиеся очень медленно. В таком случае производство прибавочной стоимости может увеличиваться только за счет абсолютного увеличения массы труда, т. е. за счет производства абсолютной прибавочной стоимости.

8. “Производство абсолютной прибавочной стоимости”, — так назван третий отдел первого тома “Капитала”. Производство абсолютной прибавочной стоимости есть производство прибавочной стоимости вообще и первая форма ее производства в частности. Прибавочная стоимость начинает производиться только там и тогда, где и когда появляется капитал. Если отвлечься от прибавочной стоимости, то в центре внимания оказывается возникновение капитала.

7. “Превращение денег в капитал” — второй отдел первого тома “Капитала”, рассматривающий эту проблему. Капиталом становятся деньги, расходуемые на покупку рабочей силы и средств производства. Деньги, расходуемые на приобретение предметов потребления, остаются просто деньгами. Если отвлечься от денег как капитала, то остаются просто деньги.

6. “Деньги, или обращение товаров”, — так названа третья глава первого отдела первого тома “Капитала”. Выяснение экономической природы денег показывает, что деньги — это товар, выдвинутый товарным миром на роль всеобщего эквивалента, сросшегося с натуральной формой благородного металла. Если отвлечься от роли всеобщего эквивалента, то остается просто товар, или обмен продуктов.

5. “Товар”, — так названа К. Марксом первая глава первого тома “Капитала”. Товар — это элементарная форма буржуазных экономических отношений, из которой как из зародыша развивалась и развилась вся система производственных отношений капитализма. Не случайно категория “товар” (а точнее, отношение обмена продуктов, в котором продукты становятся товарами) явилась исходной при возведении на фундаменте труда всего теоретического здания “Капитала”. Товар — это продукт труда, обладающий двумя свойствами: потребительной стоимостью и стоимостью. Стоимость и придает продукту труда общественную форму — форму товара. Категория “товар” является самым нижним этажом “надземной” части теоретического здания “Капитала”. Глубже, в пределах его фундамента, находятся четыре последних, “невидимых глазу” этажа. Продолжим наше нисхождение. Отвлекаясь от товара как общественной формы продукта труда, мы получим продукт труда, или просто продукт.

4. Продукт труда есть результат, в котором угас процесс труда. Он (продукт) господствует и над самим его производителем, и над самим трудом. Если отвлечься от продукта, тогда остается труд как процесс, как деятельность по созданию продукта.

3. Труд — это целесообразная деятельность человека, направленная на преобразование вещества природы, чтобы приспособить его для удовлетворения потребностей людей. Труд является отчужденной формой жизнедеятельности человека, ибо это деятельность ради выживания. Отвлекаясь от труда, получаем свободную жизнедеятельность.

2. Свободная жизнедеятельность представляет собой производство общества, производство других людей как общественных существ, производство себя как общественного существа. Если отвлечься на момент от жизнедеятельности, то остается человек как начало всех общественных начал.

1. Человек выступает как универсальное общественное существо и как индивидуальное общественное существо. Дальнейший процесс абстрагирования невозможен, поскольку пришлось бы отвлечься от общественных свойств человека. А человек, лишенный общественных свойств, есть животное.

Прошу у читателя прощения за столь, может быть, утомительное для него “путешествие”, но осуществить его было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, мы смогли оценить логичность композиции произведения К. Маркса, побывать на всех его этажах, зажечь там “свет” и, благодаря этому, увидеть сияющим все теоретическое здание “Капитала” вплоть до опор его фундамента, приблизиться к его более глубокому пониманию. Во-вторых, становится понятным, над чем билась, над чем мучилась буржуазная классическая политическая экономия, совершая восхождение от конкретного непознанного (от населения, торгового баланса) к абстрактному (товар, потребительная стоимость, стоимость). Не все “этажи” она прошла, не в той последовательности, не в том порядке (на самом деле — в беспорядке), блуждая в темноте, путаясь в противоречиях, наталкиваясь на неразрешимые для нее проблемы и т. д. В-третьих, становится сама собой разумеющейся необходимость переработки К. Марксом всех достижений и просчетов буржуазной политической экономии, выдавшей “навверх” горы экономической руды с прожилками золота истины. В-четвертых, облегчается понимание восхождения мысли К. Маркса от абстрактного к конкретному познанному, великого всеохватывающего синтеза экономических знаний, имеющего результатом теорию функционирования и развития сложнейшей, капиталистической общественно-экономической формации.

2.2. Основные ступени развертывания экономического учения К. Маркса на пути от абстрактного к конкретному

Мы с тобой, дорогой читатель, не можем здесь, к сожалению, пройти вслед за Марксом по всем ступеням восхождения от абстрактного к конкретному, чтобы увидеть, как с помощью диалектического метода Маркс из “монблана фактов”, поставляемых классической политической экономией и самой практикой капиталистического хозяйствования, делая необходимые открытия и вводя новые категории, создал “Капитал” как диалектически расчлененное целое. Остановимся на главном и наиболее необходимом. Думается, что это: 1) человек как базис всей человеческой деятельности; 2) свободная жизнедеятельность людей; 3) труд как отчужденная форма жизнедеятельности; 4) продукт труда; 5) трудовая теория стоимости; 6) теория прибавочной стоимости.

2.2.1. “Этажи” фундамента теоретического здания “Капитала”

Человек выступает у К. Маркса “как сущность, как базис всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений ...” (Маркс, Энгельс, т. 2, 102), но не как “абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо” (там же, т. 1, 414), а как индивидуум, существующий вместе с другими людьми. «Индивиды всегда и при всех обстоятельствах “исходили из себя”, но так как они не были единственны в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом ... то им необходимо было вступать во взаимоотношения друг с другом» (там же, т. 3, 439). Иными словами, они с самого начала являлись общественными существами. Люди “фактически начали с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих собственных потребностей...” (Маркс, Энгельс, т. 19, 378). Их отношение к природе было обусловлено их

телесной организацией и носило ограниченный характер. Ограниченное отношение индивидуумов к природе было основой их ограниченного отношения друг к другу. Природа этих существ, таким образом, изначально была двойственной. Каждый человек выступал, во-первых, как ограниченное индивидуальное существо, во-вторых, как ограниченное общественное существо, обладающее в потенции необходимостью и возможностью преодолевать эти границы. Ведь и "призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности, в том числе ... и способность мышления" (Маркс, Энгельс, т. 3, 282). Человек обретал и развивал важную для него способность саморазличения. Он отличал: 1) себя от другого индивидуума; 2) себя от всех остальных вместе, от общества. Способом удовлетворения и развития всех этих потребностей человека выступает его свободная жизнедеятельность.

Свободная жизнедеятельность людей — есть их самодеятельность. Человек рождается свободным. Свобода присуща человеку. Он никогда не боролся против своей свободы. "Во все времена существовали ... все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право" (там же, т. 1, 55). Времена присваивающего хозяйства как раз и были тем случаем, когда свобода была всеобщим уделом, а жизнедеятельность людей — свободной, или "самодеятельностью", как называет ее К. Маркс.

В свободной жизнедеятельности человек "рассматривает другого человека как осуществление своей свободы" (там же, т. 1, 401). Свободной жизнедеятельности людей присущ двойственный характер. Во-первых, она есть способ воспроизводства физического существования индивидов, во-вторых, — способ воспроизводства их "общественной связи", то есть общества. Первая сторона включает в себя: 1) воспроизводство людей как физических индивидов посредством рождения; 2) добывание для них средств существования. Вторая сторона содержит в себе: 1) производство себя ("меня") как общественного существа; 2) производство другого индивида ("тебя") как общественного существа. "Я в моем производстве опредмечивал... мою индивидуальность, ее своеобразие, и поэтому во время деятельности я наслаждался индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании от произведенного предмета испытывал ... индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и поэтому находящаяся вне всяких сомнений сила."

В моем пользовании моим продуктом или твоим потреблении его я ... непосредственно испытывал ... сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность ... определена человеческая сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующей потребности другого человеческого существа. Я был ... для тебя посредником между тобою и родом (обществом — *Т. А.*) и сознавался ... и воспринимался тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого... В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал ... твое жизненное проявление, и, следовательно, ... утверждал ... и осуществлял ... мою общественную сущность" (Маркс, Энгельс, т. 42, 36). И наоборот.

Таким образом, в свободной жизнедеятельности людей происходит обмен проявлениями свободной индивидуальной жизнедеятельности. Лежащая в основе этой общественной связи общественная собственность выступает пьедесталом свободной жизнедеятельности людей (См.: Маркс, Энгельс, т. 26, ч. 3, 286). Смысл общественной собственности здесь заключается в том, что она есть "наличие существенных предметов для человека как в виде предметов наслаждения, так и в виде предметов деятельности" (там же, т. 42, 146). В этом случае живая личность господствует над своей опредмеченной сущностью, субъект господствует над предметом.

Тот факт, что моя индивидуальность опредмечена в добытом мною вместе с другими людьми средстве существования, находится рядом со мной и независимо от меня и сознательно, по моей воле может быть отдана для пользования или потребления тебе, означает и то, что моя опредмеченная индивидуальность передается тебе как иному, чужому по отношению ко мне индивиду, хотя пока и по моей воле. А ведь это может осуществляться и вопреки ей. Короче говоря, моя свободная жизнедеятельность содержит в себе объективную возможность разрыва на не контролируемую мною мою жизнь и на чуждую мне деятельность. Такой чуждой человеку и в то же время свойственной только ему деятельностью является труд.

Труд начинается с изготовления орудий труда и пока не занял господствующего положения, он кажется свободной деятельностью, не имеющей ничего общего с отчуждением.

Однако с переходом к земледелию и животноводству начала проявляться действительная общественная сущность труда для занимающегося трудом отдельного человека. Юное сознание "человека разумного" (*Homo sapiens*) было буквально потрясено утомительной тяжестью труда в земледелии и животноводстве, с одной стороны, и неслыханным ранее стабильным обилием средств существования, обеспечиваемым трудом в этих новых отраслях, — с другой. В центре внимания людей все больше оказывалось это "изобилие" средств существования, порождаемых трудом. В свободной жизнедеятельности в центре внимания было воспроизводство людей как природных и общественных существ, а добывание средств существования было лишь средством достижения этой великой цели. Теперь целью становилось производство средств существования, а человек и его жизнь всего лишь средством достижения этой цели. "Человек не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю" (Маркс, Энгельс, т. 23, 189).

Итак, человек начинает подчинять свою волю процессу труда. Это означает, что труд подчиняет себе человека, становится чуждой, господствующей над его жизнью силой. В качестве процесса труд является, во-первых, отчужденной деятельностью человека, т. е. когда человек трудится, он не свободен. Во-вторых, процесс труда становится самоотчуждением человека, т. е. он начинает относиться к себе самому как к чужому существу, принадлежащему не себе, а труду, этой господствующей над ним силе.

Человек трудится не один, а вместе с другими людьми, в обществе. Труд всего общества, или общественный труд существует лишь в форме разделения труда. Разделение труда и есть форма существования отчужденного труда. С разделением труда дана возможность, во-первых, отчуждения человека от общественного труда с противопоставлением общественному труду индивидуального труда, превращающегося в частный труд. Каждый человек приобретает свой "исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти..." (Маркс, Энгельс, т. 3, 31 — 32). Во-вторых, дана возможность отчуждения человека от человека, "при котором он рассматривает другого человека не как осуществление своей свободы, а наоборот, как ее предел" (там же, т. 1, 401).

В итоге оказывается, что труд с самого начала является отчужденным трудом, полагающим возможность возникновения частной собственности. "Впрочем, разделение труда и частная собственность это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности" (там же, т. 3, 31). Труд, будучи отчужденной деятельностью, сначала включается в общественный круговорот в форме натуральных служб и натуральных повинностей. Результатом труда выступает продукт. Труд угасает в продукте.

Продукт как таковой есть продукт не как овеществленная деятельность, “но лишь как предмет для действующего субъекта”, “и только в потреблении продукт становится действительным продуктом” (там же, т. 12, 717). Являясь результатом труда, как отчужденной деятельности, продукт становится отчужденным предметом, предметом, который господствует над субъектом, опредмеченная в нем индивидуальность человека господствует над живой личностью самого человека, подчиняет себе его жизнь.

Продукт труда обнаруживает двойственный характер. Во-первых, если в нем опредмечена потребность самого производителя, то он является потребительной стоимостью для него, или потребительной стоимостью как таковой. Здесь имеет место обмен “своего труда на продукт своего труда, и этот обмен есть скрытая форма (зародыш) действительного обмена” (Маркс, Энгельс, т. 42, 32). Во-вторых, если в продукте опредмечена потребность другого индивида, то он является потребительной стоимостью для других, или общественной потребительной стоимостью. Формами отчуждения продукта как общественной потребительной стоимости в начале выступают пожертвование, дарение, потом — выплата дани, натурального оброка, натурального налога и т. д.

С возникновением общественной потребительной стоимости появляется возможность отчуждения абстрактной стороны труда от его конкретной стороны. Конкретный труд в масштабе общества представляет многообразие различных полезных видов труда отдельных производителей, т. е. совокупность особенностей. Абстрактный труд выступает как отвлеченный от этих особых полезных видов, как труд вообще, как затрата энергии производителей в физиологическом смысле. В этой всеобщей форме абстрактный труд является необходимым условием превращения его в специфическую форму общественного труда.

И абстрактный труд заявляет свою претензию на замещение непосредственно общественного труда, претензию на свое вершение судеб отдельных производителей. Если раньше сменяющиеся формы свободной жизнедеятельности каждого индивида являлись непосредственно общественными потому, что они представляли собой особые функции общественной деятельности, то теперь возникает особая функция — определять, имеет ли общественную необходимость тот или иной особый полезный вид труда. Ее и берет на себя абстрактный труд. Тем самым труд в еще большей степени превращается в чуждую отдельным производителям силу.

Чтобы эта претензия стала действительностью, необходимо выполнение двух условий: 1) потребительная стоимость действительно должна быть непотребительной стоимостью для ее производителя (должен появиться излишек продукта); 2) абстрактный труд должен стать вещным свойством продукта труда, быть овеществленным. Другими словами, необходимо, чтобы опредмечивание моих сущностных сил превратилось в овеществление ставших мне чуждыми моих сущностных сил, влившихся в общую силу противостоящего мне общества производителей.

Продукты всегда представляли собой вещную форму богатства — потребительную стоимость. С овеществлением абстрактного труда возникла абстрактная форма богатства — стоимость. Это повлекло за собой изменение общественной роли вещной формы богатства: общественная потребительная стоимость стала носителем стоимости, или потребительной стоимостью товара. “Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена” (Маркс, Энгельс, т. 23, 49), т. е. путем купли-продажи. “Ибо продукт является товаром [в истинном значении слова] лишь внутри обращения” (там же, т. 26, ч. 3, 301).

Таковы, думается, основные идеи, заложенные К. Марксом в фундамент трудовой теории стоимости.

2.2.2. Трудовая теория стоимости, развитая К. Марксом

Товар в единстве двух его свойств — потребительной стоимости и стоимости — является категорией, выработанной классической буржуазной политической экономией на пути восхождения от конкретного непознанного, являющегося нам в экономической действительности, к абстрактному, сущностному. На этом она и остановилась. К. Маркс, “заглянув” в фундамент товарного производства, обнаружил двойственный характер труда, воплощенного в товаре. Он приступил к достраиванию здания трудовой теории стоимости, заложенного трудами У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо.

К. Маркс начал с того, на чем остановились А. Смит и Д. Рикардо: с товара. Однако у него товар уже не просто вещь, которую продают, а общественная форма продукта труда. Понимая, что овеществленный в товаре абстрактный труд образует субстанцию стоимости, К. Маркс сначала определил стоимость по субстанции: стоимость — это овеществленный в товаре “абстрактно-человеческий труд” (Маркс, Энгельс, т. 23, 46 — 47).

Субстанциональное определение стоимости позволяет разобраться во внутреннем противоречии потенциального товара, то есть излишка продукта, созданного в натуральном хозяйстве. Потенциальная стоимость этого излишнего продукта не может быть создана без производства потребительной стоимости. С другой стороны, созданная стоимость не может быть реализована в данной потребительной стоимости. Налицо внутреннее противоречие потенциального товара между его стоимостью и потребительной стоимостью.

Противоречие разрешается в обмене на другой продукт, отличающийся потребительной стоимостью от первого. В процессе обмена одного потенциального товара на другой оба товара из потенциальных превращаются в реальные, а стоимость первого товара реализуется в потребительной стоимости другого товара. Тем самым обнаруживается новое определение стоимости: как отношения. Стоимость есть отношение между двумя товаропроизводителями по поводу абстрактного человеческого труда, овеществленного в их товарах.

Величина этой стоимости определяется общественно-необходимым рабочим временем, которое надо затратить на производство того или иного товара при средних общественных условиях его производства.

Стоимость как отношение и придает продукту общественную форму товара. Поэтому исходной формой (“клеточкой”) трудовой теории стоимости является не товар как продукт, а простейшее отношение товарного обмена, в котором стоимость выступает в своей вещной форме — форме меновой стоимости.

Меновая стоимость, или товарная форма, или форма стоимости развивается с переходом к производству продуктов специально для продажи, то есть по мере развития товарного производства.

Первой формой на пути развития меновой стоимости выступает простая, единичная, или случайная форма стоимости. В этом простейшем акте обмена (20 аршин холста = 1 сюртуку) стоимость товара (холст), находящегося в относительной форме, реализует себя в потребительной стоимости товара (сюртук), находящегося в эквивалентной форме. Внутреннее противоречие товара (холст) между потребительной стоимостью и стоимостью в этом отношении разрешено и не разрешено. Разрешено, ибо 20 аршин холста выразили свою стоимость в потребительной стоимости одного сюртука. Но ткач привез на рынок не 20, а, например, 100 аршин холста, и стоимость остальных 80 аршин он не может выражать в потребительной стоимости четырех сюртуков, ведь они для ткача уже не являются потребительными стоимостями. И тогда возникает противоречие между товарной массой (холст) и товарной массой (сюртук).

Стоимость товара — это всеобщее свойство, а потребительная стоимость сюртука является единичной, особенной полезностью. Поскольку стоимость холста реализуется в потребительной стоимости

сюртука, то полезность сюртука признается всеобщим свойством, а оно на самом деле особенное свойство. Противоречие разрешается тем, что стоимость стремится реализовать себя во всех особенных потребительных стоимостях. Простая, единичная, или случайная форма превращается в полную, или развернутую форму стоимости.

В простой форме единичный эквивалент — сюртук — после обмена на холст уходил из сферы обращения в сферу потребления. В случае полной, или развернутой формы сюртук, не покидая сферы обращения, может быть использован для приобретения, например, 20 кг сахара, на которые затем могут быть обменены очередные 20 аршин холста и т. д. Тем самым хотя и на короткое время сюртук выступает в роли меновой стоимости как всеобщего эквивалента. Правда, роль его в этом случае мимолетна.

Однако полная, или развернутая форма стоимости содержит противоречие: ряд потребительных стоимостей, в котором холст стремится реализовать свою стоимость, — незакончен. Всегда может появиться новый товар с особой потребительной стоимостью. Противоречие разрешается следующим образом: вместо того, чтобы стоимость товара выражала себя в потребительных стоимостях всех остальных товаров, все товары начинают выражать свою стоимость в одном единственном товаре, потребительная стоимость которого обладает всеобщей полезностью. Полная, или развернутая форма стоимости превращается во всеобщую форму стоимости. Товар, потребительная стоимость которого обладает всеобщей полезностью, в котором поэтому выражают свою стоимость все другие товары, является всеобщим эквивалентом.

Всеобщий эквивалент должен быть всеобщим всегда. Натуральная же форма многих товаров, выдвинутых на роль всеобщего эквивалента, подвергается порче (гниет, ржавеет и т. д.). Это противоречие разрешается так: всеобщий эквивалент сращивается с натуральной формой благородных металлов (сначала серебра, а потом и золота).

Результатом развития противоречий товарной формы явилось возникновение денег. Как правильно подметил в своих лекциях доцент МГУ К. П. Тронеv, деньги у Маркса — это товар и не просто товар, а товар-эквивалент, и не просто эквивалент, а всеобщий эквивалент, и не просто всеобщий эквивалент, а всеобщий эквивалент, сросшийся с натуральной формой благородного металла. Такова сущность денег, таково полное определение полноценных денег в марксовской трудовой теории стоимости.

С возникновением денег товарный мир раскололся на товары, с одной стороны, и на деньги — с другой.

Товары стали выступать как потребительные стоимости, а деньги — как независимая от товаров стоимость. Товары являются представителями вещного богатства, а деньги — всеобщей формой абстрактного богатства. Выступив в качестве посредника в обмене товаров, деньги превратили простой обмен товаров (Т – Т) в товарное обращение (Т – Д – Т). Они разорвали “индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами” и развили “обмен веществ человеческого труда” (Маркс, Энгельс, т. 23, 122 — 123).

В отношениях с товарами деньги последовательно принимают и развивают пять функциональных форм и выполняют в них соответственно пять экономических функций (меры стоимости, средства обращения, средства накопления и образования сокровища, средства платежа, мировых денег). В отношениях с собой деньги выполняют техническую функцию, функцию масштаба цен. В качестве денежной единицы берется определенное весовое количество золота. Выраженная в деньгах стоимость товара есть его цена. Полноценными деньгами являются только золотые деньги. Все остальные — медные, бумажные и т. д. —

являются знаками, символами, заменителями денег. Поэтому денежная система будет максимально устойчивой лишь тогда, когда в нее вводится столько бумажных денег, сколько из нее выведено золотых денег.

Возникновение денег разрешило противоречие между товарами. Это помогло высветить истинное значение потребительной стоимости как носителя стоимости. Потребительная стоимость “выносит” стоимость на рынок и после обмена сама уходит вместе с покупателем в сферу потребления, а стоимость, освободившись от нее, реализуется в потребительной стоимости денег, оседая в денежной форме в кармане продавца.

Однако возникает новое противоречие, теперь уже между товарами и деньгами. Товары как потребительные стоимости стремятся с помощью денег покинуть сферу обращения и исчезнуть в потреблении. Деньги как стоимость стремятся освободиться от роли посредника в товарном обмене, сохранить себя в сфере обращения и получить самостоятельную форму движения, позволяющую им возрастать. Предпосылками разрешения данного противоречия являются развитие товарного производства до всеобщего товарного производства, развитие сферы обращения до мирового рынка, развитие денег до мировых денег. Только на основе этих предпосылок воплощенный в товарах абстрактный труд развивается до труда, имеющего общественный характер.

Трудовая теория стоимости К. Маркса в качестве исходного теоретического положения берет “товар вообще”, или отношение товарного обмена вообще, которое в своей сущности содержит то общее, что присуще товару как в простом, так и в капиталистическом товарном производстве. Поэтому иллюстрацией “товара вообще” может быть как товар простого, так и товар капиталистического товарного производства. Поскольку при рассмотрении “товара вообще” К. Маркс абстрагируется от капитала, то он не может в качестве примера брать товар как продукт капитала. Отсюда остается лишь иллюстрация “товара вообще” примерами из простого товарного хозяйства, где капитал отсутствует не только логически, но и исторически. Непонимание этого порождает пустые дискуссии.

В основе трудовой теории стоимости К. Маркса лежит закон стоимости. Сущность закона стоимости представляет взаимосвязь между стоимостью товара и его ценой. Содержание действия закона стоимости: производство и обмен товаров на основе равных общественно необходимых и не равных индивидуальных затрат труда. Формой проявления действия закона стоимости является колебание цен.

Закон стоимости является законом, основой, или основным законом товарного производства вообще, достигая своего высшего развития в период капиталистического товарного производства.

Как совершенно правильно отмечал К. П. Тронев, основной закон не требует теоретического обоснования. Его нельзя вывести ни из какого другого экономического закона. Он задан эмпирически. И в самом деле, чтобы убедиться в действии закона стоимости, достаточно зайти в любой магазин, взять товар и пройти мимо кассы. Но из закона стоимости выводятся все остальные законы, образующие систему законов товарного производства, потому что они возникают на основе действия закона стоимости. Действие закона стоимости в товарном производстве обеспечивает через отклонение цен от стоимости: 1) распределение труда по различным отраслям общественного хозяйства; 2) постоянное снижение затрат труда на производство товара путем применения технических новшеств; 3) дифференциацию товаропроизводителей и вытекающее из нее вытеснение из сферы производства товаров тех производителей, которые не смогли снизить затраты на единицу товарной продукции.

Развитие товарного производства на основе действия закона стоимости привело не только к созданию предпосылок, но и к появлению условия разрешения противоречия между товарами и деньгами. Таким

условием явилось превращение рабочей силы в товар. Подмеченное К. Марксом это необычное явление легло в основу открытия им прибавочной стоимости и разработки соответствующей теории.

2.2.3. Теория прибавочной стоимости

Это второе важнейшие (после материалистического понимания истории) открытие К. Маркса. Его суть заключается в том, что производство и присвоение прибавочной стоимости есть специфическая для капитализма форма производства и присвоения прибавочного продукта — высшая форма отчуждения человека от своей деятельности, от продукта своей деятельности, от самого себя, от другого человека, от других людей.

С появлением товара рабочая сила, деньги встретили, наконец, такой товар, который способен сам увеличивать свою стоимость. Благодаря этому деньги из посредника в обмене товаров по формуле $T — D — T$ превратились в самостоятельного субъекта, который имеет формулой своего движения $D — T — D^1$, где $D^1 = D + \Delta D$, а ΔD — некоторое приращение стоимости, названное К. Марксом прибавочной стоимостью. Смена формы движения с $T — D — T$ на $D — T — D^1$ произошла на основе действия закона стоимости и без его нарушения. За деньги (например, 20 долл.) покупается рабочая сила (стоимостью 20 долл.), которая вне сферы обращения, т. е. в сфере производства создает новый товар (стоимостью 40 долл.), продаваемый на рынке по стоимости, равной 40 долл. Тем самым имеется D , равное 20 долл., и D^1 , равное 40 долл. $D^1 — D = \Delta D = 40 — 20 = 20$ долл. Стоимость, затраченная на покупку товара, рабочая сила, таким образом, сама возросла на 20 долл. Полученная прибавочная стоимость может быть опять направлена на покупку дополнительной рабочей силы и т. д. Самовозрастающая стоимость и есть капитал. В движении $D — T — D^1$, называемом всеобщей формулой капитала, дана безграничная возможность самовозрастания стоимости.

В процессе выяснения условий превращения рабочей силы в товар, т. е. в процессе раскрытия тайны так называемого первоначального накопления капитала, К. Маркс аргументированно показал как формируется, “завязывается” структура капитала, структура основного производственного отношения капитализма. Стоимость, направленная на покупку лишенной средств производства рабочей силы, становится переменным капиталом. До покупки рабочей силы эта стоимость существует в денежной форме. После покупки рабочей силы она становится переменным капиталом и существует в форме рабочей силы, в форме способности созидать новую стоимость. Стоимость, направленная на покупку средств производства, стоимость, воплощенная в средствах производства, становится постоянным капиталом. Капиталом средства производства становятся только тогда, когда они противостоят рабочей силе и эксплуатируют ее, используют в своих интересах. Результатом этой эксплуатации и является прибавочная стоимость.

Интерес капитала в целом состоит в расширенном воспроизводстве самого себя. Осуществить это он может только путем производства прибавочной стоимости превращения ее значительной части в капитал.

Без прибавочной стоимости нет самовозрастания капитала. Поэтому производство и присвоение прибавочной стоимости путем эксплуатации наемной рабочей силы составляет закон движения капиталистического способа производства. Данный закон движения непосредственно вытекает из основного закона — закона стоимости и развивается благодаря его действию.

Из закона производства прибавочной стоимости, проявляющего свое действие в единстве двух форм прибавочной стоимости — абсолютной и относительной — непосредственно следует закон накопления капитала. Действие этого закона проявляется в форме концентрации и в форме децентрализации капитала. Сопровождаются же эти формы централизацией капитала. Реальной формой накопления выступает расширенное воспроизводство.

Непосредственным следствием закона накопления капитала является закон роста органического строения капитала, проявляющийся реально в экстенсивном и интенсивном типах расширенного воспроизводства.

Из действия закона роста органического строения капитала вытекает закон капиталистического народонаселения, который проявляется в формах притяжения и отталкивания труда капиталом.

Обобщением всех законов процесса производства капитала выступает всеобщий закон капиталистического накопления, выражающий связь между накоплением капитала и положением пролетариата и проявляющийся в формах абсолютного и относительного ухудшения положения пролетариата.

Завершением анализа законов процесса производства капитала выступает у Маркса закон исторической тенденции капиталистического накопления. Он выражает связь между накоплением капитала как частной собственности и отрицанием капитала самим себя как частной собственности в процессе его накопления. Это отрицание может проявиться в двух формах: в форме уничтожения (Vernichtung) капитала как частной собственности и в форме снятия (Aufhebung) капитала как частной собственности, причем обе формы предполагают как мирный, так и не мирный путь.

В процессе производства капитала капитал, или прошлый труд полностью господствует над живым трудом. Живой труд для наемного рабочего является не его жизнедеятельностью, а средством заработка. Произведенный продукт как и труд принадлежит не рабочему, а капиталисту. Сам наемный рабочий, его способности принадлежат не ему, а капиталисту, ибо только на капиталистической фабрике он может их применить. Поэтому при капитализме имеет место высшая форма развития труда, высшая степень развития отчуждения рабочего от самого себя и от других людей. Над всеми ими господствует капитал как высшая овеществленная общественная сила.

Жизнедеятельность капитала охватывает не только процесс производства, но и процесс обращения. Последний накладывает на отчуждение свои поверхностные формы.

Закон исторической тенденции капиталистического накопления находит свое развитие в законе кругооборота промышленного капитала, выражающего связь между существованием капиталистического способа производства и непрерывностью смены фаз и функциональных форм движения промышленного капитала.

Оборот капитала — это последовательная смена функциональных форм и натуральной формы промышленного капитала. Закон роста органического строения находит проявление в росте доли основного капитала и поэтому порождает закон замедления оборота промышленного капитала. В расширенном воспроизводстве и обращении всей совокупности оборотов индивидуальных промышленных капиталов обнаруживается сформулированный В. И. Лениным закон преимущественного роста производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления.

С учетом межотраслевой конкуренции капиталов на рынке закон прибавочной стоимости принимает форму закона средней прибыли, а закон стоимости — форму закона цен производства. Наконец, всеобщий закон капиталистического накопления в своем влиянии на положение класса капиталистов проявляется в форме закона тенденции нормы прибыли к понижению.

В действии этого закона обнаруживается предел развития капитала как самовозрастающей стоимости, который капитал полагает сам себе. Мы видели, что всеобщая формула капитала $D - T - D^1$ открывает безграничные просторы для самовозрастания капитала по величине своей стоимости. Однако, чтобы произвести прибавочную стоимость, нужно произвести какой-либо ее носитель, какую-либо потребительную

стоимость. Стремление безгранично увеличивать самовозрастающую стоимость ведет к безграничному производству потребительных стоимостей и предложению их рынку в форме товаров как продуктов капитала. Но рынок признает только платежеспособный спрос. Тем самым безграничное возрастание капитала наталкивается на ограниченность платежеспособного спроса, на предел своего роста. Обнаруживается перенакопление капитала. Перенакопленным оказывается тот капитал, который не способен обеспечить себе ту же или возрастающую массу прибыли при понижающейся средней норме прибыли. Формой разрешения этого противоречия являются экономические кризисы перепроизводства. В их ходе мелкие и средние капиталы разоряются и выталкиваются из сферы производства в сферу обращения. Крупные капиталы путем скупки разорившихся предприятий (централизация капитала) увеличивают свои капиталы. Они оказываются способны обеспечить себе возрастающую массу прибыли при падающей норме средней прибыли и остаются в сфере производства. Изгнанием слабых капиталов из сферы производства крупный капитал отодвигает на некоторое время предел самовозрастания и занимается производством прибавочной стоимости, пока не достигнет предела опять и т. д.

Покинувшие сферу производства капиталы начинают заниматься торговлей либо предоставлением денег взаймы под проценты. Таким образом, действие закона тенденции средней нормы прибыли к понижению лежит в основе отделения капитала-функции от капитала-собственности и обособления трех форм капитала: промышленного, торгового и ссудного. Соответственно происходит распадение прибавочной стоимости на три обособленные части и получение ими статуса превращенных форм: предпринимательского дохода, процента и земельной ренты. Последнюю получают те, кто из собственника денег превратился в собственника земли.

В форме ссудного капитала стоимость достигла высшей и последней формы своего развития и вместе с тем и высшей формы отчуждения, фетишизации. Владельцу ссудного капитала кажется, что деньги сами порождают деньги (формула его движения: $D — D^1$) и процесс возрастания стоимости его капитала не имеет никакого отношения к труду.

Что же дальше? Дальше начинается ниспадающая ветвь в развитии капитала как частной собственности. “Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение” (Маркс, Энгельс, т. 42, 113). Это теоретическое положение К. Маркса имеет непреходящее методологическое значение для понимания дальнейшего экономического развития и места в этом понимании трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости.

2.3. Границы применимости экономического учения К. Маркса и выход за его пределы

Наметить пути решения проблемы дальнейшего развития частной собственности сегодня уже невозможно без критического взгляда на все экономическое учение К. Маркса. А дело это очень трудное, требует тонкости, взвешенности и осторожности. “Основательной критики — будь то со стороны врагов или друзей — можно ожидать не скоро, — писал К. Маркс Людвигу Кугельману 11 октября 1867 г., — потому что такое объемистое и в некоторых своих частях такое трудное сочинение требует времени для прочтения и усвоения” (Маркс, Энгельс, т. 31, 470).

Как же можно подойти с критической меркой к “Капиталу” К. Маркса, зная, что его теоретическое здание возведено весьма искусно? Подсказку можно найти у его соратника и духовного наследника Ф. Энгельса. В письме Филиппо Турати в Милан от 6 июня 1893 г. Ф. Энгельс заметил: «Что касается “Краткого изложения”, сделанного Девилем, то ... Девиль в ряде случаев придал абсолютное значение

отдельным положениям Маркса, которые последний выдвигал только как относительные, как правильные только при определенных условиях и в определенных границах» (там же, т. 39, 69 — 70).

Именно для того, чтобы избежать ненужной абсолютизации экономического учения К. Маркса, зададимся общепринятым в науке вопросом: каковы границы, какова область применимости социально-экономического учения К. Маркса?

Прежде всего это касается диалектики материи и сознания. “Маркс и я отчасти сами виноваты в том, — писал Ф. Энгельс Йозефу Блоху 21 — 22 сентября 1890 г., — что молодежь иногда придает больше значения экономической (материальной. — Т. А.) стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии” (там же, т. 37, 396). В результате школярское усвоение материалистического решения, основного вопроса философии и применение неправильно усвоенного знания в решении частных проблем общественной науки порождало процессы, тормозящие дальнейшее развитие экономического учения К. Маркса.

Попытка Б. И. Шенкмана в публикуемой рукописи “Духовное производство и его своеобразие” вырваться за пределы этого школярства получила резкий отпор редакции журнала “Вопросы философии”. “Верно, что люди всегда должны есть, пить, одеваться и так далее и что только на этой основе они могут участвовать в производстве, — писал Б. И. Шенкман, — однако из этого еще не следует, что условия материальной жизни тождественны материальному производству и что, следовательно, материальное производство всегда и вечно будет базой духовного производства” (Вопросы философии. 1966. № 12, с. 114). Такого греха “идеологическая инквизиция” оставить без осуждения не могла. “Редакция не может согласиться со столь категорическим высказыванием ... материальное производство сохраняет свою функцию основания всех духовных форм” (там же). А ведь В. И. Ленин еще в 1909 г. предупреждал: “Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью было бы громадной ошибкой” (Ленин, т. 18, 259).

Таковыми пределами являются пределы взаимодействия определенной материи и определенного сознания. Внимательный анализ развития диалектического процесса взаимодействия определенной материи и определенного сознания позволяет пока выделить, как мне думается, три больших периода: период осознающей себя материи, период материализирующегося сознания и период сознания, удовлетворенного материализацией. Это — периоды развертывания жизнедеятельности людей.

Вторым шагом в выяснении границ применимости экономического учения К. Маркса является раскрытие сути его материалистического понимания истории. В том же письме Йозефу Блоху Ф. Энгельс высказался о нем так: “... согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу” (Маркс, Энгельс, т. 37, 394).

Сказано четко и ясно. Вопрос состоит только в том, что понимали Маркс и Энгельс под “производством и воспроизводством действительной жизни”? “... Это — определенный способ деятельности

данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами” (там же, т. 3, 19).

У К. Маркса обнаруживаются три формы жизнедеятельности индивидов. Исторически первой из них является ограниченная свободная жизнедеятельность. “Животное ... не отличает себя от своей жизнедеятельности... Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания ... то есть его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое (общественное. — *Т.А.*) существо. Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность” (Маркс, Энгельс, т. 42, 93). “Сознание, конечно, есть в начале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего осознавать себя индивида ... Ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу ...” (там же, т. 3, 29).

Второй формой жизнедеятельности индивидов, пришедшей на смену первой, является отчужденный труд. “Отчужденный труд переворачивает это отношение (индивида к своей свободной жизнедеятельности. — *Т.А.*) таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования” (Маркс, Энгельс, т. 42, 93).

И, наконец, третьей формой жизнедеятельности людей выступает их универсальная свободная жизнедеятельность, которая вырастает из процесса снятия отчужденного труда и частной собственности. “... Частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т.е. превратить в свою свободную жизнедеятельность” (там же, т. 3, 441). При предпосылке снятия отчужденного труда и частной собственности “местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными” (там же, т. 3, 34). Свободная жизнедеятельность “эмпирически универсальных” индивидов при их “универсальном общении” и “присвоении универсальных производительных сил” может быть только универсальной.

Дальнейший анализ развития фундаментальных научных идей К. Маркса непосредственно и прямо приводит к труду. Здесь обнаруживается некоторая фуркация (разделение) его определений, которые, на первый взгляд, не согласуются и даже противоречат друг другу. Приведем основные. “... Труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения ...” (там же, т. 42, 140). «Одно из величайших недоразумений — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. “Труд” по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность, деятельность» (там же, т. 42, 242). “... Труд как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд есть ... вечная естественная необходимость, без него ... не была бы возможна сама человеческая жизнь” (там же, т. 23, 51). И у Энгельса: “Труд начинается с изготовления орудий ... труд создал самого человека. ... Лишь совершенно незначительную, второстепенную часть экономической работы (поднимание тяжестей и т. д.) можно выразить в килограммах” (там же, т. 20, 486, 491, 624).

Попытки разрубить гордиев узел определений труда могут привести к тому, что верные определения труда могут быть отброшены, а неверные приняты в качестве истинных. Правильное же решение этой сложной проблемы открывает путь к раскрытию процесса снятия труда и перехода человечества к свободной универсальной жизнедеятельности.

Выйти из этого затруднительного положения помогает выделение трех основных форм, в которых реально выступает жизнедеятельность индивидов в разные периоды их развития. Эти формы: работа, труд, созидание. Их различие в неявном виде присутствует в экономическом учении К. Маркса. Однако в явном виде проблему различения этих трех форм он не ставил, видимо, потому, что для раскрытия законов функционирования и развития одной единственной капиталистической общественно-экономической формации это было не нужно. Отказавшись от рассмотрения “первых животнобразных инстинктивных форм труда”, с одной стороны, и “сложного труда” — с другой (Маркс, Энгельс, т. 23, 53, 189), К. Маркс, оперируя понятием простого труда, блестяще решил стоящую перед ним задачу.

Первоначально проблему различения труда и созидания в виде различения процесса труда и процесса изобретения в конце XIX в. поставил французский социолог Габриэль Тард (1843 — 1904 гг.). отождествляя труд и работу, он не смог провести четкого различения труда и созидания, отметив, что “изобретать — великое удовольствие, а работать всегда тягостно” (Тард, 1996, 187).

Знакомство с трудами Г. Тарда побудило великого русского химика и либерального экономиста Д. И. Менделеева (1834 — 1907 гг.) поставить в 1885 г. проблему различения труда и работы. Не дав ее четкого решения, он тем не менее высказал две очень важные мысли: “Так как труд во всех отношениях является позднее работы — у дитяти, у народа первобытного — одна работа, труд — у взрослого, — то чем дальше, тем яснее станут признаки, отличающие работу от труда. Неясностей, словом, еще очень много, но тем не менее различие труда от работы совершенно понятно, хотя оба слова в разговоре часто еще смешиваются” (Менделеев, т. 20, 107). И еще: “Прогресс состоит в уменьшении работы, в замене ее трудом, и в таком смысле прогресс несомненен, был и будет, пока будет общество. Грядущее — труду, а не работе, сложному, а не простому...” (там же, т. 20, 110).

Д. И. Менделеев прав, когда говорит, что работа исторически предшествует труду и что прогресс заключается в замене работы трудом. Однако он отождествил труд и созидание, отчужденную жизнедеятельность со свободной жизнедеятельностью человека. В этом сказалась узость его буржуазного кругозора, с которым в экономической науке сложных проблем не решить. “Путь в прошлое так же беспределен, как и в будущее, — говорил в своем интервью академик Б. А. Рыбаков. — И всегда, изучая этот путь, ученый должен будет прислушиваться к бегу времени” (Рыбаков, 1972, 45).

Различить понятия “работа” и “труд” с позиций сегодняшнего дня не сложно. Работа — это деятельность, направленная на отделение вещества от природы и доставку его потребителю. Форма вещества природы в процессе работы не изменяется. Труд — это целесообразная деятельность человека, направленная на преобразование формы вещества природы, чтобы приспособить его для удовлетворения тех или иных потребностей людей.

Работа была господствующей формой жизнедеятельности человека в период присваивающего хозяйства. Труд по изготовлению орудий имел место и в присваивающем хозяйстве, но он носил подчиненный работе характер.

С переходом к производящему хозяйству и, прежде всего, к земледелию и животноводству господствующей формой жизнедеятельности человека становится труд, превративший работу в подчиненную себе форму деятельности. Развитие труда (а оно является ни чем иным как, развитием разделения труда) порождает новую реальную форму жизнедеятельности человека, которую я называю созиданием. Процесс труда в функциональном плане включает в себя два рода процессов. Первый из них представляет собой изготовление новых образцов, оригиналов материальных и духовных благ, технологий и т. п. Второй род

процессов есть тиражирование, копирование, или серийное производство этих образцов благ и технологий. Для первого рода процессов характерно преимущественно творческое начало. Для второго — преимущественно затрата физических сил. Первый род процессов и является созиданием. В условиях разделения труда на умственный и физический функция созидания прочно закреплена за людьми преимущественно умственного труда, а функция тиражирования выпадает на долю лиц преимущественно физического труда.

Для тиражирования оригиналов продуктов и технологий характерна монотонная повторяемость одних и тех же операций. Следовательно, для них почти всегда можно найти тот или иной алгоритм, описать эти процессы математически и, подвергнув их автоматизации, передать функцию тиражирования автоматическим системам машин. Тогда “прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека” (Маркс, Энгельс, т. 46, 1, 280). Созидание из подчиненной труду формы жизнедеятельности превратится в господствующую форму жизнедеятельности, или в универсальную свободную жизнедеятельность людей. В качестве подчиненных форм, или моментов этой свободной жизнедеятельности будут выступать работа и труд, отчужденный характер которого будет “снят” созиданием.

Таким образом, углубленный анализ открытого К. Марксом материалистического понимания истории позволяет обнаружить в истории развития человечества три крупных периода. Первым из них является период осознающей себя природы (определенной) материи. Основной формой жизнедеятельности людей в этот период выступает работа, или ограниченная свободная жизнедеятельность человека. Вторым — материализующееся сознание. Господствующей формой жизнедеятельности здесь является труд как отчужденная форма жизнедеятельности людей. Третьим периодом, по всей видимости и логике, должен быть период сознания, удовлетворенного материализацией. Основной реальной формой жизнедеятельности в этот период выступит созидание, или универсальная свободная жизнедеятельность человека, называемая К. Марксом самодеятельностью. К наступлению этого периода будет решена проблема производства жизненных средств.

Спрашивается: как быть дальше? Какова связь этих периодов с теорией общественно-экономических формаций К. Маркса? Для поиска ответа на эти вопросы важное значение имеют три мысли К. Маркса, к сожалению, не удостоенные должного внимания исследователей. Первая из них высказана им в “Предисловии” к работе “К критике политической экономии”: “В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации” (Маркс, Энгельс, т. 13, 7) (подчеркнуто мною. — Т.А.). Здесь явно выражена идея о существовании какой-то общей, экономической формации, включающей в себя все остальные общественно-экономические формации или общественные способы производства. Вторая мысль касается тождества “движения частной собственности” и “экономики”. “Не трудно усмотреть необходимость того, — пишет К. Маркс, — что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике” (там же, т. 42, 117).

Известно, что под “движением частной собственности” К. Маркс понимает ее возникновение, развитие и исчезновение. Значит экономика, экономическая деятельность людей совпадает с движением частной собственности. Третья мысль К. Маркса относится к выяснению “субъективной” (практической. — Т.А.) сущности частной собственности. “Субъективная сущность частной собственности, частная собственность как обособленная деятельность, как субъект, как личность — это труд” (там же, т. 42, 108). Следовательно, движение частной собственности, экономическая и трудовая деятельность — суть формы

проявления жизнедеятельности людей в условиях отчуждения, охватываемого периодом “экономической общественной формации”.

Возникает проблема выяснения двух различных понятий, встречающихся в экономическом учении К. Маркса: “общественно-экономическая формация” и “экономическая общественная формация”. Вне всякого сомнения они не являются тождественными. Однако, если первое понятие достаточно основательно раскрыто и освещено в научной литературе, то второе кажется чем-то случайным и загадочным. “Всякому учению ... если оно не идет вслед за временем, не развивается, не пополняется новыми чертами, — пишет Н. Конрад, — угрожают две опасности: догматизм, то есть превращение свободной творческой мысли в догму, и скепсис, то есть появление сомнения в ценности данного учения вообще” (Конрад, 1964, 210). Я думаю, что обеих угроз в отношении экономического учения К. Маркса можно избежать, если придерживаться формулы Петра Струве, выдвинутой им на переломе XIX и XX вв.: “... Научный путь проходит через систему К. Маркса, но выводит из нее и ведет дальше” (Струве, 1990, 270).

Проблема различия названных понятий решается довольно просто, если для выражения периода, включающего несколько общественных способов производства, ввести новое, еще более общее понятие, чем понятие “общественно-экономическая формация”. Таким понятием, как мне думается, может быть понятие “метаформация” (что означает буквально “идущая после формации” по широте охвата процессов жизнедеятельности человека).

В таком случае обозначенные мною выше три больших периода в развитии жизнедеятельности человечества представляют собою три метаформации: метаформация - I (M — I), метаформация - II (M — II) и метаформация - III (M — III). В основе жизнедеятельности людей на протяжении всех трех метаформаций лежит процесс самосовершенствования человека. “... Призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать все свои способности, в том числе ... и способность мышления ...” (Маркс, Энгельс, т. 3, 282). “В противоположность наивно революционному, простому отбрасыванию всей прежней истории, — пишет Ф. Энгельс, — современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса” (там же, т. 20, 24).

На протяжении M — I совершенствование человека происходило на основе формирования физического облика человека, его фенотипа при одновременном формировании физиологических условий для осознания им самого себя как человеческого общественного существа. Это метаформация фенономической деятельности, охватывающая собой период от возникновения человека (3,5 млн. лет тому назад) до появления человека разумного (50 — 40 тыс. лет до н. э.). M — I включает в себя три “общественно” - фенономических формации (формацию австралопитека умелого (F₁), формацию архантропа (F₂), формацию палеонтропа (F₃) и ряд переходных маленьких формаций (f) от F₁ к F₂ и от F₂ к F₃.

На протяжении M — II совершенствование человека осуществлялось в отчужденной форме трудовой деятельности, через развитие экономики. Здесь сформировался и совершенствовался оикотип человека. M — II представляет собой метаформацию экономической деятельности человека, возникновения, развития и исчезновения частной собственности. Она охватывает период жизнедеятельности “человека разумного” (50 — 40 тыс. лет до н. э. и до настоящего времени).

Жизнедеятельностью человечества на протяжении метаформации экономической деятельности создаются условия и предпосылки для перехода к M — III, или метаформации генономической деятельности. Самосовершенствование человека осуществляется в ней путем совершенствования его генотипа. Господствующей формой жизнедеятельности в этом случае будет созидание. Между M — I и M — II находятся

переходные метаформионы (m), один из которых характеризует превращение работы в труд, возникновение языка и мышления. Между М — II и М — III также возможны переходные метаформионы (m), характеризующие превращение труда в созидание и Homo sapiens — в Homo sapientissimus (человека разумного — в человека разумнейшего).

Вот мы и подошли к выявлению границ применимости экономического учения К. Маркса. Оно действительно лишь в пределах метаформации экономической деятельности М — II, которая отражает собой движение частной собственности, начиная с ее возникновения и завершая ее исчезновением.

Метаформация экономической деятельности, или М — II, включает в себя три общественно-экономических формации: родовую, капиталистическую и коммунистическую. Под влиянием внутренних противоречий родовая общественно-экономическая формация раскололась на две основные переходные формации, или на два формиона: рабовладельческий формион с рабовладельческим способом производства и феодальный формион с феодальным способом производства.

Капиталистической общественно-экономической формации прежде всего и посвящен “Капитал” К. Маркса — основа его экономического учения. И не только. Диалектический метод, применимый в “Капитале”, “показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика ... содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние способы производства... С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к тем пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему” (Маркс, Энгельс, т. 46, 1, 449).

Исследуя способы отрицания частной собственности, вытекающие пути отрицания из закона исторической тенденции капиталистического накопления, К. Маркс сосредоточил свое внимание не на “снятии” (Aufhebung), а на уничтожении (Vernichtung) частной собственности. Это было вызвано, как мне думается, рядом причин. Во-первых, им руководило “благородное стремление спешить на помощь страждущему человечеству, которое к чести XIX столетия повсюду проявляется ...” (Маркс, Энгельс, т. 42, 391). «Я смеюсь над так называемыми “практичными” людьми и их премудростью, — пишет он Зигфриду Мейеру 30 апреля 1867 г. — Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи» (там же, т. 31, 454). Во-вторых, жестокая эксплуатация измученного простого труда молодым и здоровым, а казавшимся уже дряхлым и больным, капиталом подсказывала мысль о том, что пролетариат не выдержит такой эксплуатации и пойдет на социальную революцию. Возможными моментами ее начала могли быть, как тогда казалось, экономические кризисы перепроизводства. Позже это связывалось с развитием кредитно-денежной системы и акционерных обществ, позднее — с развитием трестов и т. д. В-третьих, К. Маркс и Ф. Энгельс были убеждены, что капитализм достиг уже такого уровня развития производительных сил, на котором он не мог с ними справиться. “Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые” (там же, т. 4, 429).

Железные дороги, электрический телеграф, сельфактор и т. д., представлявшие эти “грандиозные производительные силы”, в конце XX в. кажутся довольно незначительными по сравнению с гибкими производственными системами, информационными технологиями, генной инженерией и космическими кораблями, созданными современным капитализмом. В-четвертых, К. Маркс и Ф. Энгельс хорошо понимали законы смены субъектов собственности. Но в их время трудно было предположить, что развитие капитализма,

отрицание капитала самим себя как частной собственности ведет, в конечном счете, к смене не только самой формы собственности, не только ее субъекта, но и объекта собственности. Объектом собственности наряду с материальным продуктом все более становится информационный продукт, который стремится “перезавязать” на себя всю систему общественных отношений. Отсутствие необходимых данных для обнаружения этого процесса, а также потребность сделать завершающим свое экономическое учение сориентировали К. Маркса на признание труда, как создателя потребительных стоимостей, “вечной естественной необходимостью” и опереться на диалектическую триаду “общественная собственность — частная собственность — общественная собственность” (на более высокой ступени). И все же, что бы быть точным, я должен заметить, что у К. Маркса имеется косвенный намек на смену объекта собственности, когда он говорит о прошлом труде только как пьедестале живого труда (Маркс, Энгельс, т. 26, 3, 286).

В условиях отчужденной деятельности прошлый труд не может быть таким пьедесталом, так как здесь “взаимоотношение труда и условий труда оказывается перевернутым” (там же, т. 26, 3, 285). Однако со “снятием” труда, как отчужденной деятельности, труд уходит в основание и становится пьедесталом, на который возводится свободная жизнедеятельность, имеющая своим результатом информационный продукт и образующая новую систему производственных отношений нового человеческого общества.

Итак, возвратимся к М — II, т.е. к метаформации экономической деятельности, чтобы рассмотреть ее несколько подробнее. Капиталистическая общественно-экономическая формация (F_2) достигла вершины своего развития на стадии свободной конкуренции. Здесь частное производство находилось под полным контролем частной собственности. Государство выполняло лишь функцию “ночного сторожа” частной собственности.

Укрепление кредитной системы образовало “главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества ...” (Маркс, Энгельс, т. 25, 1, 484), которые К. Маркс рассматривал как “упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства” (там же, т. 25, 1, 479). Позже, уже после смерти К. Маркса, развились “новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества” (там же, т. 25, 1, 480), т. е. картели, синдикаты, тресты, концерны, в том числе международные. Капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития. Основное противоречие капиталистического способа производства — между общественным характером производства и частной формой присвоения — обострилось до предела. Чтобы его смягчить, капитал путем концентрации и централизации развил ассоциативные формы присвоения в форме монополистических объединений.

Для рабочего класса пришло время действовать. Экономическое развитие капитализма, особенно в США, Германии и Японии шло гигантскими темпами. Вырисовывались два возможных способа действий. Первый — всячески помогать упразднению капиталом частной собственности и самого себя в рамках частной собственности. Второй — уничтожение частной собственности насильственным, революционным путем.

Конрад Шмидт предлагает Ф. Энгельсу свой план разработки переходных этапов к коммунистическому обществу. В письме от 1 июля 1891 г. Энгельс отвечает ему: “Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним поразмыслить, но я бы Вам посоветовал (не торопиться); это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия непрерывно меняются. Например, каждый новый трест изменяет их, и каждое десятилетие совершенно перемещаются пункты, которые следует атаковать” (Маркс, Энгельс, т. 38, 108).

Атака была успешно осуществлена в ночь на 7 ноября 1917 г. в России под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным. Капиталистическая общественно-экономическая формация раскололась

на два формииона: государственно-монополистический капитализм (f_1) и монополюно-государственный социализм (f_2). Последний пошел по пути уничтожения частной собственности при сохранении труда.

В условиях государственно-монополистического капитализма получили дальнейшее развитие процессы “снятия” частной собственности и труда через отрицание капитала самим себя как частной собственности. Частное производство находилось под двойным контролем: частной собственности и государственной собственности. Изменения в развитии частного производства зашли столь далеко, что новый частный капитал сегодня уже не в состоянии ввести сам себя в действие без помощи государства. Требуется государственный “стартовый капитал”. Открытие нового современного частного предприятия предполагает проведение обширных фундаментальных научных исследований, отличающихся большой непредсказуемостью результатов и, следовательно, значительным риском для частного капитала. Вот тут и приходит на помощь государство со своим финансированием фундаментальных научных исследований. Полученные положительные результаты передаются затем частному капиталу для их промышленной и коммерческой разработки. В период господства государственно-капиталистического способа производства (f_1) частно-монополистические предприятия не могут таким образом обойтись без государственной помощи, а само государство еще не в состоянии взять под свой полный контроль частно-монополистическое производство.

Для этого необходимо наличие соответствующих объективных и субъективных предпосылок. Когда же эти предпосылки будут в наличии, государственно-монополистический капитализм уступит (возможно и не без революционного толчка) место новой общественно-экономической формации (F_3), в которой полный контроль за частным производством будет принадлежать государству, а позже самому обществу. На протяжении этой новой общественно-экономической формации завершится процесс исчезновения частной собственности и ее субъективной сущности — труда. Возможно человечество назовет эту последнюю общественно-экономическую формацию социализмом, возможно коммунизмом, возможно как-нибудь иначе. Суть не в названии, а в том, чем эта новая общественно-экономическая формация будет являться на самом деле.

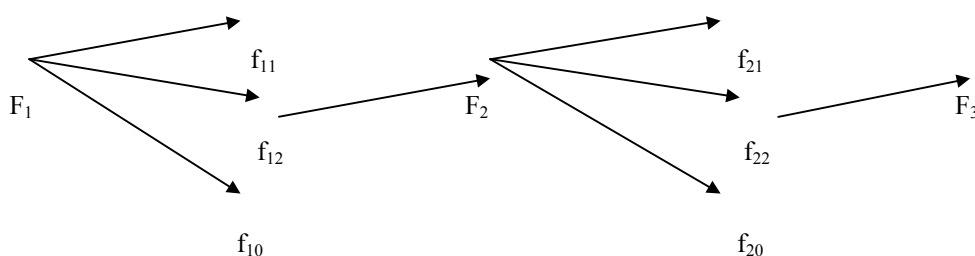
“Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, в котором должна сообразовываться действительность, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс. — Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает (aufheben. — Т.А.) теперешнее состояние” (Маркс, Энгельс, т. 3, 34). Суть “теперешнего состояния” раскрывает другое определение коммунизма, данное К. Марксом: “... Коммунизм есть положительное упразднение частной собственности; на первых порах он выступает как всеобщая частная собственность ...” (там же, т. 42, 114). Следовательно, под коммунизмом К. Маркс и Ф. Энгельс понимают действительное движение упразднения частной собственности. Это означает, что когда частная собственность будет полностью упразднена (“снята”), исчезнет и коммунизм. Другими словами, человечество в своем развитии выйдет за пределы коммунизма, т.е. за пределы метаформации экономической деятельности, за пределы М — II.

Что же необходимо для упразднения частной собственности? “Частная собственность есть не что иное, как овеществленный труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на вещественное состояние, но и как на деятельность, как на труд” (там же, т. 42, 242). Из данного теоретического положения вытекает два следствия. Во-первых, частная собственность будет упразднена только тогда, когда будет упразднен труд — эта отчужденная деятельность. Во-вторых, только упраздняющая сама себя частная собственность может упразднить труд, и, наоборот, упраздняющий сам себя труд влечет за собой и упразднение частной собственности. Именно этот процесс взаимного упразднения труда и частной собственности К. Маркс и

Ф. Энгельс называют коммунизмом. “Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего, но как таковой, коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества” (Маркс, Энгельс, т. 42, 127). Ведь не является же целью человеческого развития капитализм?!

Таково развитие человечества на протяжении метаформации экономической деятельности. М — II — это период возникновения, расцвета и исчезновения частной собственности на средства производства и другие материальные блага. С этой позиции историческое значение родовой общественно-экономической формации состоит в подготовке условий возникновения и в самом возникновении частной собственности. Значение капиталистической общественно-экономической формации заключается в создании условий расцвета частной собственности и использования ее для создания современной цивилизации. Наконец, историческое назначение социалистической (коммунистической) общественно-экономической формации состоит в создании объективных и субъективных условий отмирания частной собственности на средства производства и другие материальные блага. Отрицание частной собственностью себя самой одновременно полагает интеллектуальную собственность на информационные продукты и соответствующую систему производительных отношений людей, свободно проявляющих свою жизнедеятельность в форме созидания своей духовно-материальной жизни. Разрастание сферы услуг, в которой пока скрывается созидание информационного продукта, является подтверждением “снятия” субъекта и объекта частной собственности, а значит и снятия ее самой.

Важнейшие ступени полагания и отрицания частной собственности на средства производства и другие материальные блага в пределах метаформации экономической деятельности могут представлены в виде следующей модели:

где: F_1 — родовая общественно-экономическая формация, со стадиями становления, расцвета и разложения;

f_{11} — формион рабовладельческого способа производства;

f_{12} — формион феодального способа производства;

f_{10} — формион тупикового способа производства;

F_2 — капиталистическая общественно-экономическая формация со стадиями становления, развитого и монополистического капитализма;

f_{21} — формион государственно-капиталистического способа производства (государственно-монополистический капитализм);

f_{22} — формион государственно-социалистического способа производства (монопольно-государственный социализм; 1917 — 1991 гг. в СССР и странах-членах СЭВ);

f_{20} — формион тупикового способа производства;

F_3 — социалистическая (коммунистическая) общественно-экономическая формация со стадиями становления, расцвета и разложения строя “всеобщей частной собственности”.

Вместо заключения

Концепция метаформаций человеческой жизнедеятельности в основных своих чертах была разработана мною к августу 1972 года. В 1990 г. вышла в свет книга С. Платонова “После коммунизма”, подготовленная к печати президентом интеллектуального клуба “Гуманус” С. Чернышевым и его единомышленниками В. Аксеновым и В. Криворотовым. Само название книги — это снаряд, пущенный в свято оберегаемую партийными идеологами догму о вечности коммунизма как “светлого будущего”. Здесь не место подвергать критическому анализу это необычное сочинение. Отмечу только, что оно, безусловно, вносит весомый вклад в дело методологического освоения экономического учения К. Маркса, а значит, и в его дальнейшее развитие.

Все вышеизложенное, как мне думается, будет способствовать критическому преодолению советской политической экономии социализма. Оно предполагает как высвобождение экономической мысли из пут бюрократической коммунистической утопии, так и тщательное выяснение того, что осуществлено и могло быть осуществлено народами СССР, но загублено и не сделано по вине бездарной властвующей бюрократии.

ЛИТЕРАТУРА

- Конрад Н. Шекспир и его эпоха // Новый мир. 1964. № 9.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1—4, 12, 13, 19, 20; т. 23, 25. Ч. 1; т. 26. Ч. 3; т. 27, 29, 30, 31, 37, 38, 39, 42, т. 46. Ч. 1.
- Менделеев Д. И. Сочинения. М.; Л., 1950. Т. 20.
- Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990.
- Рыбаков Б. А. Гуманитарии в эпоху НТР // Наука и жизнь. 1972. № 3.
- Струве П. К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии // Жизнь. 1990. Т. 6.
- Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.
- Из рукописи Б. И. Шенкмана «Духовное производство и его своеобразие» // Вопр. философии. 1966. № 12.